

Мелик-Авакян Г.

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького, д. 5/6. Телефон 203-84-63

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЕЦ

11 МАИ 1982

г. Ереван

...Это было в мае тысяча девятьсот сорок шестого года в Москве. Я отыскал дом на Страстном бульваре и явился с дерзким визитом к известному кинорежиссеру Амо Ивановичу Бек-Назарову. Пришел я за советом, консультацией, думал поступать на режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии, — и чего греха таить, пришел также с тайной надеждой на авторитетное протекство мастера. Строгий метр и супруга его Софья Павловна Волкова, актриса Малого театра, с любопытством рассматривали мою одежду — я демобилизовался с месяц тому назад, не успел приобрести цивильный костюм и на зависть всем московским мальчишкам ходил пока в синей казачьей форме с широкими красными лампасами на штанах. Несколько освоившись, я стал излагать свою просьбу, но Бек-Назаров преврал меня, как сейчас помню, словами: «Ты воевал — это не проходит бесследно, ты должен сделать все, чтобы из твоей души ушло ожесточение, оно может помешать тебе, потому что будущее можно построить только на добре». Это была прозорливая мысль, высоко гражданственная, время подтвердило ее справедливость.

И вот я оглядываюсь вокруг, перебираю в памяти своей все свершившееся на моих глазах и в который уж раз убеждаюсь в правоте тех слов. Пусть трудно, порою в муках

рождается все доброе на земле, но оно всегда оказывается правым и вечным, оно самыми светлыми страницами пишется в книге жизни каждого из нас.

...Я помню человека по прозвищу Карабала. С корзиной цветов, перекинутой через руку, шел этот веселый немолодой человек по ули-

же попугай Саши Мелик-Агамалова! Я ребенком бегал в гости к этому человеку. В подвешенной к потолку клетке пестрый попугай кричал: «Саша, дай хлеб», в саду бегал на цепи волк, выглядывала из собачьей конуры лиса, были здесь барсуки и ежи, енот и дикобраз. Тут всегда толпились дети со

рей, где стоят металлические автогаражи личного пользования, серые и однообразные, навевающие тоску. На дверях некоторых из них красуются яркие фантастические пейзажи — синее-синее небо, лазурное море, зеленые свечи кипарисов. Дверь одного из гаражей с тремя большими висячими замками

след». Фильм этот получил одну из главных премий международного кинофестиваля в Оберхаузене.

Я помню и о другом бескорыстном слугителе муз, следы его добра капитальнее — то тут, то там у кромки дорог Армении стоят построенные им каменные родники, в них высечены гроздья виноград, гранаты, тянущиеся друг к другу голубки. Не каждый путник знает, кто ему подарил эту радость. Ушли на войну сорокалетний каменотес и его восемнадцатилетний единственный сын. Отец вернулся, сын погиб. И тогда отец воздвиг сыну памятник-родник в родном селе. Потом он исходил много до-рог, искал и находил воду в безводной стране своей и строил каменный родник, благо, камней в Армении хоть отбавляй. Иногда ему помогали, а иногда и нет. Натрудившись за день, он тут же у камней ложился спать. И так многие годы. Однажды я встретился с ним, присел на грудь еще не отесанных камней. Работая, этот кряжистый человек с заскорузлыми руками вел скупой разговор. Суть его сводилась к тому, что озлобленный человек никогда не может создать красивого. Несколько лет тому назад он умер, остались жить его родники. Он был прав, этот мудрец: художником может быть только тот, в чьей душе царствует добро.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ФАКТОМ

СПЕШИ ТВОРИТЬ ДОБРО

цам Еревана, насвистывая один и тот же немудреный мотив. Он бесцеремонно вкладывал цветы в руки влюбленным и просто людям со счастливым лицом, стеснительным и грустным, чтобы вызвать на их лице улыбку. Если у кого-нибудь не было денег, он оставлял ему цветок и уходил восвояси, даря свою беззубую улыбку. Поздними летними вечерами шел по улочкам Еревана и забрасывал в открытые окна цветы — пусть наутро они принесут радость проснувшемуся.

...В ереванском зоопарке и сейчас живет старый грузный попугай, он то и дело произносит: «Саша, дай хлеб». Долго слугители парка не могли понять, почему попугай говорит эти слова. Позже кто-то из старожилов ереванцев узнал птицу: «Это

всего города, в этом первом и бесплатном зоопарке Еревана. Помню, попечитель живности, нахлобучив на голову изваявшуюся папаху, натянув на ноги изношенные краги, с охотничьим ягдташем за плечами, пускался в путь к своим старым знакомым за подношениями для своих четвероногих друзей. Для себя он никогда ничего не просил, считал это постыдным. Жив попугай, орнитологи говорят, что ему за семьдесят. Птицы переживают людей, но не добрую молву о них.

В наш рациональный век очень часто бескорыстность приравнивают к чудачеству, жертвенность — к расчету. Года три тому назад я присутствовал при сцене, которая заломнилась мне на всю жизнь. Дело происходило на одном из загородных пусты-

была уже наполовину распластана маслом на тему знакомых райских тропиков, когда творца пейзажа, маленького тщедушного и согбенного старичка с бородкой клинышком застал на месте «преступления» владелец гаража. Упитанный, дородный он гнал художника прочь, заставляя того предварительно уничтожить картину, кричал, что не собирается платить денег... Растерянный, очень беззащитный, стоял старичок у раскрытого мольберта с кистями в руках, бормотал: «Денег мне не надо, сын мой, я просто хочу, чтоб было красиво...». В разных концах города мне еще не раз приходилось видеть те тропические пейзажи на дверях гаражей. О старичке этом, шагающем по улицам с мольбертом подмышкой, мой молодой коллега кинорежиссер Рубен Геворкянц снял обаятельнейший одночастный документальный фильм «Добрый

Г. МЕЛИК-АВАКЯН,
кинорежиссер, народный
артист Армянской ССР.